

Научная статья

УДК 94(47).073+336

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

## **Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века**

**Павел Константинович Романов**

Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия

pavel81292@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8199-1728>

### *Аннотация*

Рассматриваются проблемы внутреннего обращения иностранной монеты и ее взаимосвязи с российской валютой в 30-е гг. XIX в. Анализируется подход финансового управления к главной проблеме – корреляции курсов российской и иностранных монет и возможности допуска зарубежных валют в официальные сделки. В статье делается вывод о том, что финансовое управление во главе с Е. Ф. Канкриным не рассматривало обращение иностранной монеты как угрозу для российской денежной системы и не желало принимать кардинальных мер, за исключением отдельных персоналий во главе с императором Николаем I.

### *Ключевые слова*

Николай I, Е. Ф. Канкрин, иностранная монета, ассигнации, российская монета

### *Для цитирования*

Романов П. К. Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 57–68. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

## **The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s**

**Pavel K. Romanov**

St. Petersburg State University  
St. Petersburg, Russian Federation

pavel81292@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8199-1728>

### *Abstract*

The monetary circulation of the Russian Empire in the 1<sup>st</sup> half of the 19<sup>th</sup> century went through several stages: from silver monometallism to the assignation monetary system and back to silver monometallism. The assignation monetary system, established in 1812, represented a unique phenomenon of world monetary circulation. The issue of internal circulation of foreign coins persisted throughout this period. Despite the prohibition of the internal circulation of foreign coins at the inception of the first silver monometallism in 1810, this regulatory decree was not consistently enforced, leading to the illicit circulation and accumulation of foreign coins. The 1830s emerged as a pivotal period during which the challenges associated with internal circulation significantly disrupted monetary turnover. Notwithstanding these obstacles, the financial management, led by Finance Minister E. F. Kankrin, demonstrated reluctance to implement drastic measures. The analysis concludes that the financial management under E. F. Kankrin did not perceive the circulation of foreign coins as a substantial threat to the Russian monetary system and exhibited hesitation in pursuing radical interventions, save for certain individuals aligned with Emperor Nicholas I.

© Романов П. К., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 57–68  
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 57–68

*Keywords*

Nicholas I, E. F. Kankrin, foreign coin, assignats, Russian coin

*For citation*

Romanov P. K. The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 57–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

В 30-е гг. XIX в. в России действовала ассигнационная денежная система, основанная на положениях манифеста 9 апреля 1812 г., главным постулатом которого был пункт: «Во всем пространстве империи счеты и платежи с издания сего основывать на государственных банковых ассигнациях» (ПСЗ-I, 1830, т. 32, № 25080, с. 281). При этом финансовое управление поощряло выпуск монет из благородных металлов. Министр финансов Д. А. Гурьев в 1818 г. отмечал: «У нас дальнейшее умножение звонкой монеты в обращении необходимо» (Архив Государственного Совета, 1881, стб. 584).

Сменивший Д. А. Гурьева в 1823 г. на посту министра финансов Е. Ф. Канкрин продолжил развивать данную тенденцию. Вместе с тем ассигнационный массив был зафиксирован в 1817 г. и со следующего года эмиссия ассигнаций прекратилась. В 1818–1822 гг. проводилась кампания по их изъятию из обращения. Совокупность данных предприятий спровоцировала распространение монет во внутреннем денежном обращении и, как следствие, понижение их ценности, тогда как ассигнации начали медленно дорожать.

Параллельно с российской валютой в обращении находилось значительное количество монет других государств, помимо региональных выпусков, которые также воспринимались современниками как иностранная монета. В разных регионах Российской империи, в зависимости от их экономического развития и географического положения, во внутреннем обращении циркулировали в разных объемах монеты различных государств, номиналов и эпох. При этом точного представления о количестве и ценности иностранных монет у финансового управления не существовало. Наглядным примером этого может стать прецедент при сборе сведений о ценности турецкой монеты, когда было необходимо получить контрибуцию по результатам Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На запрос Е. Ф. Канкринина управляющий Одесской конторой Коммерческого банка П. И. Шмит отвечал: «Хотя монеты сии куплены по курсу, существующему в Одессе, но таковой курс, по изъяснению одесского гоф-маклера, никогда не бывает постоянен: понижается, когда желают продать, и возвышается, когда ищут купить, и что при всем моем старании я не мог приискать большего количества сих монет, ибо с некоторого времени перестали они быть в общем обращении»<sup>1</sup>. Однако к 1830-м гг. экономическое развитие России, увеличение потребности в денежных знаках обусловили увеличение масштабов внутреннего обращения иностранных денег. М. М. Сперанский отмечал: «Как скоро ассигнации начали возвышаться, появились везде во внутренних наших губерниях значительные массы серебра и золота, и своего, и иностранного; особливо с 1831 г., на всех ярмарках везде было серебро и золото и весьма мало ассигнаций» (Сперанский, 1895, с. 25).

При этом участие иностранных монет в официальных операциях было запрещено еще в манифесте 20 июня 1810 г. В параграфе 19 отмечалось: «С сего времени, то есть с 1811 года, счет на иностранную монету, как-то: на ефимки, талеры, злотые и тому подобное, во всех делах внутренних прекращаются» (ПСЗ-I, 1830, т. 31, № 24264, с. 217). В параграфе 21 было следующее положение: «С 1812 года ход и привоз иностранной мелкой разменной монеты, под общим именовании биллона известной, вовсе запрещается» (ПСЗ-I, 1830, т. 31, № 24264, с. 217). Однако, как показала практика, данные положения негласно игнорировались, что зафиксировано в представленной в Государственный совет 18 декабря 1833 г. записке Е. Ф. Канкринина: «Примером тому может служить билон в Остзейских и некоторых западных губерниях, обращение которого запрещено в 1812 г., несмотря на многократные

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 465. Л. 7 – 7 об.

повторения и на самую конфискацию, низкопробная монета не переставала быть в ходу, и наконец, правительство в 1827 г., убедившись в бесполезности всех принятых против того мер, предоставило на волю каждому принимать оную, наблюдая только с своей стороны за не ввозом оной вновь»<sup>2</sup>.

Параллельно с проблемой ввоза зарубежных денежных знаков регулярно обострялся вопрос внутренней корреляции курсов российских и иностранных монет, ценность которых зачастую сильно различалась. А. Д. Друян отмечал: «Распространение иностранной монеты по курсу, не соответствующему ее внутренней стоимости, имело чрезвычайно важный и, быть может, неожиданный для купцов результат: начался рост лажа, или, иначе говоря, рост “монетной оценки” серебряного рубля и вообще монеты российского чекана» [Друян, 1941, с. 14]. И. И. Кауфман подчеркивал: «Лаж существовали не только на монету и на ассигнации, но существовали отдельные лажи на различные виды монеты и на ассигнации различных достоинств. И все эти многообразные лажи в различных местностях были различные, разнообразясь до бесконечности» [Кауфман, 1909, с. 84]. Простонародные курсы и лаж являлись такими изъянами ассигнационной денежной системы, которые правительству было необходимо постоянно контролировать. Они способствовали развитию спекуляций, от чего страдали по большей части крестьяне, составлявшие основную часть податного населения Российской империи, а также подрывали основы ассигнационной денежной системы, всё менее соответствовавшей актуальным веяниям в мире российских финансов. Осложнял контроль со стороны правительства и тот факт, что зарубежные деньги циркулировали в частных сделках и фактически на добровольной основе. Таким образом, к 1830-м гг. перед финансовым управлением возникла проблема внутреннего обращения иностранной монеты, которую нужно было решить таким образом, чтобы поддерживать охранительный тон экономической политики Е. Ф. Канкрина.

Сам же глава министерства финансов Е. Ф. Канкрин смотрел на проблему обращения иностранной монеты так же, как и на простонародные курсы и лаж. Он считал их обусловленными социальным фактором, созданными деятельностью спекулянтов и менял, не требующих риска и кардинальных перемен в финансовом устройстве. Свои мысли министр финансов ясно изложил в докладе Николаю I, сделанном 14 мая 1834 г.: «1. При возрастающем благосостоянии России без сомнения народные сделки требуют большей массы денег. Недостаток их по мере потребности и при выгодной заграничной торговле, постепенно дополняется иностранной монетой. Сие имеет место уже многие годы; разность состоит только в том, что прежде иностранная монета поступала на Монетный двор для перечека, а в течение последних годов спекуляторы, с помощью простонародных курсов и пользуясь легковерием простого народа, а часто обманывая и притесняя оный, успели пустить сию монету в общее обращение по высшей против ее достоинства цене, каковое превосходство у французских 20-ти франковых монет составляет до 16-ти копеек золотом. Злоупотребление другого рода состоит в том, что в Москве платили простому народу маловесными червонцами или так называемыми арабчиками, что, однако, должно признать обстоятельством отдельным... 4. Хождение иностранной монеты само по себе не есть важное неудобство, особливо теперь, когда обращение их более и более уравнивается с их достоинством, и главные убытки уже понесены. Вся запутанность в денежном обращении происходит от простонародных курсов, то есть, что серебряному рублю не дается курс биржевой, а умственный с прибавлением лажа на ассигнации, хотя, впрочем, по расчету простонародные курсы подходят весьма близко к биржевым»<sup>3</sup>.

Как видно, он даже расценивал расширение объемов обращения иностранных монет как показатель экономического благосостояния России, что не лишено оснований. В историографии также имеется направление, рассматривающее обращение иностранной монеты как положительный признак состояния российской экономики. П. П. Мигулин отмечал: «Этой

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 11 об. – 12.

<sup>3</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 77. Л. 2–4.

последней поступило к нам (из заграницы) за 20 лет с 1814–1834 гг. 522 милл. золотом и серебром; наглядное доказательство благоприятного в это время для России торгового и платежного балансов» [Мигулин, 1896, с. 15]. А. Д. Друян также связывал положительный торговый баланс с увеличившимся объемом ввоза иностранной монеты. Он приводит следующие данные: превышение ввоза над вывозом составило в 1829–1834 гг. 25,9 млн руб. ассигнациями, тогда как в период 1825–1829 гг. оно составляло 4,3 млн руб. [Друян, 1941, с. 14]. Современный исследователь А. Н. Дубянский в работе, посвященной деятельности Е. Ф. Канкрин, в качестве одной из причин прилива иностранной монеты в Россию выделил выгодный процент по депозитам в российских банках [Дубянский, 2019, с. 106].

При этом отдельных исследований, посвященных проблеме внутреннего обращения иностранных монет в 1830-е гг., выявить не удалось. В работах с привлечением широкого круга историографии, посвященных отношениям Е. Ф. Канкрин с императором Николаем I, его деятельности на посту министра финансов и экономическим взглядам, вопрос внутренних оборотов иностранной монеты не освещен [Мухамедина, 2012; Мондэй, 2014].

Однако в 1830-е гг. внутренние обороты иностранной монеты становились всё более проблематичными. Отрицательный эффект превалировал над положительным из-за стремительного роста разности курсов. 28 июля 1833 г. министр финансов делал доклад императору, в котором было отмечено, что «Московские купцы, в числе 19 человек, в прошении к министру финансов изъясняют, что непомерно распространившееся количество иностранных золотых и особенно французских 40 и 20 франковых монет, произвело в делах коммерческих перемену и стеснение: лаж на ассигнации в Москве возвысился до 12 ½ %, а иностранная монета, на покупку которой ассигнации извлекаются из внутреннего обращения, до того умножилась, что российской золотой и серебряной монеты почти совсем не видно по торговле. По сим обстоятельствам кредит сокращается; ибо продавец не желает получать монету за товар, а покупатель не смеет дать обязательства на ассигнации, которые в продолжение 7 месяцев возвысились на 2 ½ %. Столь значительная разность в цене ассигнаций против обыкновенного хода монеты и частое значительное изменение лажа весьма затрудняют всякое коммерческое предприятие. По мнению московских купцов, сего бы не должно последовать, если бы выгода отпускать российскую монету за границу и получать вместо оной иностранную низшего достоинства, не понуждали некоторых негоциантов заниматься сим торгом по преимуществу»<sup>4</sup>. На просьбу московского купечества запретить свободное обращение иностранной монеты Е. Ф. Канкрин высказался против данной меры, ссылаясь на то, что он «в ожидании, что иностранная монета, чрез частые предостережения, мало по малу придет в настоящую соразмерность с ее ценностью, полагал бы за лучшее воздержаться от принятия каких-либо по сему предмету мер»<sup>5</sup>. В том же году для информирования подданных и снижения спекулятивного движения был опубликован табель с внутренними курсами на иностранную монету (ПСЗ-II, 1834, т. 8, № 6273, с. 364–365).

Сделанные шаги не способствовали решению проблем. Данный вопрос стал предметом пристального внимания императора. Николай Павлович велел Особому комитету рассмотреть вопрос о полном запрещении внутреннего обращения иностранной монеты, хотя бы временно, но Комитет на заседании 18 августа 1833 г. солидаризировался с позицией министра финансов. Однако император в 30-е гг. XIX в. уже не был дилетантом в вопросах финансов и пытался разобраться в денежном устройстве, знакомясь с разнообразными мнениями, сам. Результатом этого стало представление первого из зафиксированных авторских проектов императора, датированного 18 декабря 1833 г. Данный проект рассматривался на заседании Государственного совета 31 декабря 1833 г. Николай I предлагал: «1. Запретить решительно ввоз всякой иностранной монеты, кроме голландских обыкновенных червонцев. 2. Вместе с тем объявить срок, к которому ход иностранной монеты решительно запретить во всей империи. 3. Назначить размен оной по действительной стоимости массами не менее

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 2 – 2 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 4 об. – 5.

100 р. серебром и не выменивать на ходячую монету или на ассигнации, но на билеты Государственного казначейства. 4. Всю выменянную монету обращать в Монетный двор для перчеканки. 5. Так как нет сомнения, что в простом народе за сим останется еще помянутая монета, то по прошествии некоторого времени, когда по всему вероятно внос на обмен больших сумм прекратится или значительно уменьшится, объявить дозволение выменивать и меньшие суммы и до 5 руб., дабы сим способом извлечь и остальную иностранную монету. Мне кажется, что способ сей прост, облегчителен для всех и выгоден будет для казначейства»<sup>6</sup>.

В данном проекте заметны последовательность, осторожность и системность при проведении преобразования, характерные для государственной деятельности Николая Павловича. Однако Государственный совет отклонил предложение императора, ориентируясь на позицию Е. Ф. Канкрин. Министр финансов аргументировал свое несогласие тем, что «назначение определенного срока для обмена помянутой монеты на российскую сопряжено также с большими неудобствами: ибо, с одной стороны, нет сомнения, что одно объявление сего срока произвело бы весьма чувствительное понижение цены на иностранную монету, и все те, у которых она ныне находится на руках, не имея возможности отдать оную, или в С. Петербурге прямо на Монетный двор, или в Москве в Пробирную палату, принуждены были бы продавать ее менялам даже ниже внутреннего ее достоинства, а с другой стороны, Монетный двор, будучи не в состоянии удовлетворять в скором времени всех приносителей, так как вся масса иностранных монет, в России находящихся, неизвестна, должен был бы назначать для платежей отдаленные сроки, что возбудило бы вящее неудовольствие в публике»<sup>7</sup>.

Точных сведений собрано не было, что усложнялось неофициальностью обращения иностранных монет. Однако попыток сбора таких сведений министерством финансов не зафиксировано. Относительно выкупа иностранной монеты Е. Ф. Канкрин также занимал категоричную позицию. Он отмечал, что «на билеты казна обязана платить проценты, между тем как выкупленные на оные иностранные монеты должны бы оставаться долгое время без обращения»<sup>8</sup>. При этом выкупать зарубежные монеты на беспроцентные бумаги министр финансов также не был согласен, парируя отсутствием интереса у публики к такой операции. Это нашло отражение в его дискуссии по этому поводу с К. Ф. Друцким-Любецким, который предлагал создать особое учреждение для обмена иностранной монеты с фиксированным курсом, «чтобы все сословия в государстве нашем заблаговременно могли знать разницу внутреннего достоинства монет иностранных в сравнении с нашей и ведали бы, о том, что за иностранную могут получить всегда, по мере стоимости ее, нашу звонкую монету или ее представителя»<sup>9</sup>.

Также К. Ф. Друцкий-Любецкий допускал открытие эмиссии ассигнаций ради выкупа иностранной монеты из обращения и считал, что «предшествовавшие узаконения сему не препятствуют»<sup>10</sup>. На это Е. Ф. Канкрин парировал выдвинутым им предложением о наложении пошлины в 1 % на привозимую иностранную монету для уменьшения внутренней ценности зарубежных монет, которая до этого времени ввозилась беспошлинно, что выступало, по мнению Е. Ф. Канкрин, поводом к спекуляциям. Однако Департамент экономии настоял на сохранении свободного размена, не согласившись на введение пошлины: «...установление сей пошлины, не говоря о некотором доходе казны, быв слабым противодействием монетным спекуляциям, подстрекаемым выгодой большого лажа, возродило бы только покушение тайного ввоза, что учреждение сей пошлины и неразлучные с оной меры фискальства послужили еще к стеснению благонамеренных иностранных покупателей, привозящих за наши товары серебро и золото, и, может быть, отозвались бы понижением цены

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 12 об. – 13.

<sup>7</sup> Там же. Л. 14 об.

<sup>8</sup> Там же. Л. 15.

<sup>9</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 55. Л. 11 об. – 12.

<sup>10</sup> Там же. Л. 14.

их товаров»<sup>11</sup>. Таким образом, министр финансов отмечал: «Министерство финансов не было против обмена, и предложение князя Любецкого, если не клонится к принужденному обмену, не заключает в себе ничего нового. Я даже согласился в Государственном совете доставить в Москву значительную сумму денег российского чекана для вымена, но приметить должно, что обмен иностранной монеты на российскую не представляет приносителям вообще какой-либо пользы, а тем, кои приняли сию монету свыше ее достоинства, убыток»<sup>12</sup>. Также глава финансового ведомства был против учреждения особого банка для обмена иностранной монеты, «ибо учредить банк, который бы выпускал бумажные деньги и по востребованию выменивал бы их на иностранную монету, значило бы не истребить сию монету из обращения, а дать оной гражданство; и что делать с той монетой, которая будет вновь прибывать? К особенным и непреодолимым затруднением такового предположения принадлежит и то, что иностранные деньги суть разного звания и достоинства и что нет возможности делать обмен в пятистах казначействах, если же оный делать на некоторых токмо пунктах, то сие будет вредно кредиту сих бумаг»<sup>13</sup>.

В приведенном выше фрагменте министр финансов поднял еще одну важную проблему – корреляции курсов российской и иностранной монеты. В обращении находились деньги разных эпох, пробы, веса и изношенности, что также влияло на их внутреннюю ценность. При этом иностранная монета фигурировала неофициально в частных операциях на таких же условиях и часто принималась тождественно с российской, хотя качество таких монет зачастую было значительно хуже. Данная проблема ярко представлена в работе известного купца В. А. Кокорева, который был противником денежной реформы 1839–1843 гг. в том числе из-за превышения качества российских монет над иностранными: «И потекла русская жизнь широкой, но мутной струей по графе расхода, и стали мы жить, признавая наименьшим знаком ценности рубль серебра; тогда как Франция жила и ныне живет, несмотря на богатство ее почвы, приносящей доходность четыре раза в год (виноград, шелковицу, пшеницу и фрукты) на единицу (франк), сравнительную с нашим четвертаком, т. е. в 25 копеек ценности; а Германия на единицу (марка), равняющуюся нашим трем гривенникам. И стали наши меняльные столы на столичных, губернских и уездных рынках, обремененные массою екатерининских империалов и полуимпериалов и французских (по тогдашнему народному выражению) золотых лобанчиков и грудями петровских и екатерининских целковых и австрийских талеров, освобождаться от этих тяжелых грузов, и потекли эти грузы туда, где завистливо смотрели на богатства России, и зажили мы бойко, весело, укладывая в карманах не тяжелые ноши золота и серебра, а легкие бумажные знаки кредитных билетов» (Кокорев, 2005, с. 19–20).

Что касается фиксации твердого курса иностранных монет, то и здесь министр финансов получил поддержку Государственного совета еще при обсуждении данного вопроса на заседании 31 декабря 1833 г.: «...важные затруднения встречаются для допущения к приему иностранной монеты в платеж податей; ибо для сего надлежало бы определить сей монете постоянную цену, соразмерно с внутренним ее достоинством; но таковая цена была бы крайне убыточна для тех, которые приняли оную по высшей цене, и потому каждый стал бы всячески уклоняться от взноса оной в казну»<sup>14</sup>. Данный аргумент финансового управления можно считать наиболее обоснованным, что будет доказано впоследствии результатом поступлений иностранной монеты в казну.

Следующий тезис, который использовался Е. Ф. Канкриным и Государственным советом при их сопротивлении решительным шагам по исследуемой проблеме, была практика приема иностранной золотой монеты на вес. На заседании Государственного совета 11 июня 1834 г. отмечалось, что «иностранная монета не признана законом ходячей в России, не принимает-

<sup>11</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 19.

<sup>12</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 77. Л. 5.

<sup>13</sup> Там же. Л. 10 об. – 11.

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 14.

ся в платежи ни в казну, ни в кредитные установления и потому обращается у нас собственно в виде товара, что червонцы, как и вообще золотая монета, в целом свете принимается на вес, — доказательство, что нигде не существует уверенности в неизменности их веса, который независимо от порчи умышленной, подвергается уменьшению и от естественной причины, от долговременного обращения»<sup>15</sup>. Из приведенного фрагмента еще раз можно сделать вывод о том, что финансовое управление в целом не видело значительного ущерба для государства, как и министр финансов, считая, что такая монета обращается только в частных сделках, т. е. по взаимному согласию, а значит, не является причиной для кардинальных перемен в денежном обращении. В связи с этим 23 июня 1834 г. вышел сенатский указ, согласно которому подтверждалась необязательность участия иностранных монет в финансовых операциях, оно допускалось только по взаимному желанию сторон (ПСЗ-II, 1835, т. 9, № 7218, с. 654–655). Таким образом, следует заключить, что в 1820–1830-х гг. финансовое управление с разной долей обоснованности причин было против серьезных изменений в устройстве обращения иностранной монеты и предлагало оперировать исключительно контролем и некоторыми паллиативными мерами, за исключением отдельных персоналий во главе с императором Николаем I, которые на тот момент были вынуждены отступить.

Несмотря на то, что финансовое управление старалось публиковать сводные таблицы с курсами и по возможности изымать иностранную монету по внутренней ее ценности на рубли, отправлять на Монетный двор для апробации и передела в российскую монету, всё более отчетливо становилось, что данных мер недостаточно, и причины жалоб продолжали оказывать негативный эффект. В связи с этим 25 июня 1834 г. вышел именной указ, дозволявший «по всем уездным казначействам прием от тех, которые пожелают, в счет следующих платежей по податям: подушной, на водяные и сухопутные сообщения, оброчной и за право винокурения, иностранной монеты до третьей части временно, на один год, с 1-го сентября сего 1834 по 1-е сентября 1835 года, по тем ценам и на тех условиях, кои в прилагаемой таблице изложены, или с будущего года при установлении податного курса означены будут» (ПСЗ-II, 1835, т. 9, № 7221, с. 656). При этом стоит подчеркнуть, что фразу «от тех, которые пожелают» добавил лично император Николай в монаршей резолюции на журнале Финансового комитета 22 июня 1834 г.<sup>16</sup> Данное уточнение является дополнительным штрихом к портрету императора, желавшего проводить свои преобразования осторожно и последовательно. Как уже было сказано, будучи сторонником решительных изменений, но в то же время прекрасно понимая неофициальность хождения иностранных монет, император желал подчеркнуть добровольность объявленной кампании и увидеть промежуточный результат.

Если по поводу проекта императора 1833 г. об изъятии иностранных монет объяснения Е. Ф. Канкрин носили скорее охранительно-предположительный характер в связи с боязнью долгового обременения государства, то в вопросе приема монет в казну по обозначенному государством курсу позиция императора во многом совпадала с ранее озвученными доводами его оппонентов о необходимой добровольности такой операции в связи с возможными убытками для населения. Как видно из журнала Комитета министр финансов с трудом решился на принятую меру. «Впрочем, он не может не приметить, что на таковой прием решается только потому, что между тем успел он придумать некоторые особые обороты»<sup>17</sup>. В связи с этим можно предположить, что император вновь поднимал вопрос о выкупе иностранной монеты, так как в журнале заседания Комитета, которое проходило в монаршем присутствии, зафиксировано, что Е. Ф. Канкрин вновь категорически отверг идею выкупа иностранной монеты на процентные бумаги, боясь возрастания казенного обременения. «Что касается до предположения выменивать сверх того сии деньги на билеты Государственного казначейства или на какие-либо депозитальные билеты, то надлежит взять в уважение, что мера сия сопряжена с платежом процентов, кои пожирают в 25 лет самый капитал, и что если

<sup>15</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 21.

<sup>16</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 1.

<sup>17</sup> Там же. Л. 6.

бы смотреть на сию меру, как на средство для составления запаса звонкой монеты, то по опытам в министерстве финансов известно, что в военное время всегда труднее было доставать бумажные деньги на множество чрезвычайных внутренних расходов, нежели металлы. Кроме того в настоящее время, когда выпускаются 4 серии новых билетов и 2 серии старых еще не выменаны, представляется неудобным умножить вновь количество бумажных знаков ценности; почему безопаснее обождать последствий вымена иностранной монеты на наши звонкие деньги и приема их в подати. Выпустить же таковые билеты без процентов значило бы просто умножить массу не фондируемых ассигнаций»<sup>18</sup>. В юбилейном издании министерства финансов отмечено, что данный указ был принят «для ускорения передела в российскую монету находившейся в огромном количестве в народном обращении монеты иностранной» [Министерство финансов..., 1902, с. 235]. Это утверждение также не соответствовало представлениям финансового управления 1830-х гг. об умеренных объемах иностранных монет внутри России.

Согласно указу 25 июня 1834 г. было решено, что иностранная золотая монета будет приниматься в подати весом, а серебряная – по внутреннему курсу, а далее вся масса направляться в Монетный двор для передела в российскую монету. Это поставило перед финансовым управлением задачу решить вопрос о ремедиуме иностранных денег. 24 июня 1834 г. начальник Санкт-Петербургского Монетного двора Е. И. Еллерс относился к товарищу министра финансов Ф. П. Вронченко: «Ведомость иностранным золотым и серебряным монетам поверена на Монетном дворе в отношении к весу, пробе и цене и оказалась согласна с выведенным по опытам Монетного двора средним внутренним достоинством каждой монеты. О ремедиуме в означенных иностранных монетах точного сведения по Монетному двору не имеется. По сему предмету считаю долгом изложить некоторые соображения. При выделке нашей монеты допускается ремедиум у полуимпериала одна доля = 3, 39 коп. золотом, или 0,67 %, у рубля 4 доли = 0,85 коп. серебром, или 0,85 % более или менее против узаконенного веса; сим вес ее при выпуске в народное обращение уравнивается. Таковой ремедиум можно бы принять в основание и для приема иностранной монеты, но как она назначается не для обращения, а для передела в российскую монету, то должна быть записываема по Монетному двору в приход как металл, т. е. тем весом и пробой, какие в принятой монете действительно окажутся. Если при приеме ее допустить ремедиум, то предположить можно, что будут приносить большей частью монету такую, которая легче означенного в ведомости веса. Казна понесет в сем случае неминуемый убыток. К отвращению сего было бы полезнее не допускать ремедиума при приеме иностранной монеты. Если же правительство решилось на некоторые по сей части операции пожертвования, то при приеме иностранной монеты можно допустить соответственный здешнему ремедиум, и именно: у кружка золотой монеты одну долю, у серебряной четыре доли менее означенного в ведомости веса, кроме цванцигера, у которого, против 20-ти копеечника, две доли. Причем поставить приемщикам в обязанность наблюдать, чтобы сложный вес нескольких кружков подходил сколько можно ближе к означенному в ведомости. По сим уважениям не осмеливаясь сделать решительного о ремедиуме заключения и отметки в ведомости, предаю обстоятельство сие на разрешение Вашего Превосходительства, с возвращением доставленной ведомости»<sup>19</sup>.

Можно заключить, что неимение на Монетном дворе сведений о ремедиуме доказывает тот факт, что финансовое управление во главе с Е. Ф. Канкриным и не предполагало приступить к кампании официального приема иностранной монеты с целью ее изъятия из обращения, а принятый указ был вынужденной мерой. В итоге рекомендации Монетного двора были приняты, и представленный им внутренний курс был опубликован. Возможные убытки при принятии серебряной монеты казна решила взять на себя еще на заседании Финансового

<sup>18</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 6–7 об.

<sup>19</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 624. Л. 1–3.

комитета 22 июня 1834 г.: «Убыток, произойти могущий от недовеса серебра на Монетном дворе, должен по необходимости падать на счет казны»<sup>20</sup>.

Далее министр финансов сделал несколько технических распоряжений относительно приема иностранных монет: «Для избежания же неудобства от неровного счета дозволяется принимать и несколько рублями на ассигнации более третьей части, не делая в том платильщикам никаких затруднений»<sup>21</sup>. Государство при этом было заинтересовано в приеме только полновесной добротной монеты, что исключало прием сознательно испорченных серебряных монет и золотых ниже допустимого ремедиума, а «дабы казначеи оную знали, привешивать к каждой таковой монете посредством пробития дыры припечатанный к нитке ярлык»<sup>22</sup>.

Кампания по приему иностранной монеты в подати не принесла желаемых результатов. Как отмечал 22 сентября 1836 г. Е. Ф. Канкрин, полемизируя с Департаментом экономии Государственного совета об усилении передела иностранной монеты в российскую и об ограничении ее обращения различными способами, «она допускаема была к приему в подати целый год, но едва ли оной поступило несколько сот штук; в Московскую же и С. Петербургскую пробирные палатки, кроме обрезанных червонцев, внесено сей монеты весьма мало. Что касается до С. Петербурга, то хотя по большим торговым оборотам привозится оной сюда из чужих краев значительное количество, но таковой привоз есть последствие выгодной торговли, а отнюдь не недостатка в деньгах. Если же кое-где и жалуются, что нет денег, то сие не происходит от недостатка в обращающихся знаках ценности, но от недостатка оборотов, частного кредита и временной стагнации или остановки, по недостатку ли продажных предметов или по другим обстоятельствам» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 22–23).

Тем не менее, министр финансов вновь предлагал Государственному совету запретить обращение иностранных монет, кроме как по опубликованному в 1836 г. табелю (ПСЗ-II, 1837, т. 11, № 9106, с. 445–446). Е. Ф. Канкрин был по-прежнему убежден в ограниченном количестве в оборотах иностранной монеты и объяснял ее обилие тем, что «это происходит главнейше от того, что всякий скорее оную сбывает, чем российскую» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 24). Признав провал приемной кампании 1834–1835 гг., глава министерства финансов в октябре 1837 г. в качестве паллиативной меры вновь был готов начать прием в казну иностранной монеты по указанным казной ценам, что зафиксировано в его вторичном объяснении с Департаментом экономии: «Министр финансов весьма готов разрешить вновь прием оной в подати по обнародованной Правительствующим Сенатом табели, на что и просит разрешения Совета» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 29). Готовность министра финансов начать новый прием иностранной монеты в подати была зафиксирована и ранее в делопроизводственных ведомственных документах. На просьбу Тверской казенной палаты принять в казну поступившие в уплату шоссейного сбора 11 штук 20-франковых монет рукой директора общей канцелярии министерства финансов А. М. Княжевича было написано, что министр финансов согласен, «тем более, что в скором времени последует разрешение на прием в казну иностранной монеты. 4 августа 1837»<sup>23</sup>. Таким образом можно сделать вывод, что финансовое управление было вновь готово только к умеренным шагам, показавшим ранее свою неэффективность.

Однако разрешения проблемы в 1830-е гг. так и не последовало, конец десятилетия пришелся на обсуждение и реализацию денежной реформы 1839–1843 гг., введшей в России новую денежную систему серебряного монометаллизма и кредитных билетов. Что касается дальнейшего решения проблем внутреннего обращения иностранной монеты, то данный вопрос был зафиксирован в обзоре 20-летнего управления министерством финансов Е. Ф. Канкриным в 1843 г.: «Запрещение же хода сих монет, впрочем добротных и особенно испан-

<sup>20</sup> ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 6.

<sup>21</sup> Там же. Д. 80. Л. 1 об.

<sup>22</sup> Там же. Л. 5.

<sup>23</sup> РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14037. Л. 2.

ских пиастров, не признано удобным. Напротив того, желательно искоренить в Остзейских и Западных губерниях хождение множества биллона разной выделки и Польского Царства. Но как Государственный совет не решился согласиться на принятие для сего сильных мер и удовольствовался существующим запрещением привоза, то сия монета не перестает ходить, вероятно умножается, может содействовать к извлечению из государства добротной монеты и даже дать повод к водворению фальшивого еще худшего биллона»<sup>24</sup>.

Однако стоит отметить, что проблема внутреннего обращения иностранной монеты не была особенностью только российского денежного устройства. Как отмечает современный исследователь Е. А. Правилова, «Российская империя к середине XIX века не имела однородной и единой системы денежного обращения, не являясь, впрочем, исключением среди других стран. Как мы знаем, исключение разнообразия денежных единиц, выведение из обращения иностранных и региональных денег было достигнуто в большинстве стран Европы лишь к концу столетия» [Правилова, 2006, с. 313].

В заключение отметим, что проблема внутреннего обращения иностранных монет в 30-е гг. XIX в. в Российской империи имела ряд особенностей, связанных со спецификой устройства ассигнационной денежной системы и взглядами тогдашнего министра финансов. Е. Ф. Канкрин предполагал не касаться без надобности либо принимать исключительно паллиативные меры для решения проблем внутреннего обращения иностранных монет. Выдающийся ученый экономист Е. Ф. Канкрин специфически воспринимал проблемы простонародных курсов и лажа, а вместе с тем, как следствие, и проблемы внутреннего обращения иностранной монеты. Он видел их созданными исключительно человеческим фактором, деятельностью спекулянтов и менял. Он считал, что они не стоят того, чтобы стать причиной кардинальных изменений финансового устройства Российской империи и подвергать риску его охранительную экономическую политику по накоплению государственных богатств. Многие положения данной концепции не лишены оснований, однако в данном вопросе министерством финансов не предпринимались даже попытки сбора информации посредством статистических и агентурных данных. Сторонники решительных преобразований во главе с императором Николаем I в вопросе изменений внутреннего обращения иностранной монеты были вынуждены отступить перед созданной пассивной системой поведения финансового управления. Если в вопросе переустройства денежной системы сторонникам реформ в ключевые для российской финансовой истории 30-е гг. XIX столетия удалось победить, то проблема внутреннего обращения иностранных монет так и осталась нерешенной.

### Список литературы

- Друян А. Д.** Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке. М.: Госфиниздат, 1941. 128 с.
- Дубянский А. Н.** Идеи камерализма в экономической политике Е. Ф. Канкрин // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17, № 4. С. 95–112.
- Кауфман И. И.** Из истории бумажных денег в России. СПб.: Тип. «Север», 1909. 292 с.
- Мигулин П. П.** Регулирование бумажной валюты в России. Харьков: Тип. и лит. Зильберберг, 1896. 28 с.
- Министерство финансов 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
- Мондэй К.** Национальная идентичность и экономическая наука: Е. Ф. Канкрин в русском общественном сознании // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика*. 2014. Вып. 3. С. 86–112.
- Мухамедина Ш.** Уроки реформ: Е. Ф. Канкрин и его оппоненты // *Вестник Финансового университета*. 2012. № 5 (71). С. 62–71.

<sup>24</sup> РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 70. Л. 251.

**Правилова Е. А.** Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с.

### Список источников

- Архив Государственного совета. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. Т. 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента Государственной экономии. 950 с. 1872 стб.
- Кокорев В. А.** Экономические провалы. М.: Об-во купцов и промышленников России, 2005. 336 с.
- Материалы об устройстве денежной системы (извлеченные из дела Государственного Совета 1837–1839 гг.). СПб.: Гос. канц., 1896. 275 с.
- ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 31. 941 с.; Т. 32. 1135 с.
- ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1834. Т. 8. 833 с.; 1835. Т. 9. 888 с.; 1837. Т. 11. 896 с.
- Сперанский М. М.** Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. 57 с.

### References

- Druyan A. D.** Ocherki po istorii denezhnogo obrashcheniya Rossii v XIX veke [Essays on the History of Monetary Circulation in Russia in the 19<sup>th</sup> Century]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1941, 128 p. (in Russ.)
- Dubyansky A. N.** Idei kameralizma v ekonomicheskoi politike E. F. Kankrina [The Ideas of Cameralism in Economic Policy of E. F. Cancrin]. *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 95–112. (in Russ.)
- Kaufman I. I.** Iz istorii bumazhnykh deneg v Rossii [From the History of Paper Money in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya “Sever”, 1909, 292 p. (in Russ.)
- Migulin P. P.** Regulirovanie bumazhnoi valyuty v Rossii [Regulation of Paper Currency in Russia]. Kharkov, Tipografiya i litografiya Zilberberg, 1896, 28 p. (in Russ.)
- Ministerstvo finansov 1802–1902 [Ministry of Finance 1802–1902]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1902, pt. 1, 640 p. (in Russ.)
- Mondey Ch.** Natsional’naya identichnost’ i ekonomicheskaya nauka: E. F. Kankrin v rusском obshchestvennom soznanii [National Identity and Economics: Georg Cancrin in the “Russian School” of Economic Thought]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [St. Petersburg University Journal. Series 5: Economic Studies], 2014, iss. 3, pp. 86–112. (in Russ.)
- Mukhamedina Sh.** Uroki reform: E. F. Kankrin i ego opponenty [Lessons of Reforms: Egor Frantsevich Kankrin and His Opponents]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2012, no. 5 (71). pp. 62–71. (in Russ.)
- Pravilova E. A.** Finansy imperii: den’gi i vlast’ v politike Rossii na natsional’nykh okrainakh. 1801–1917 [Finances of the Empire: Money and Power in Russian Politics on the National Outskirts. 1801–1917]. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2006, 456 p. (in Russ.)

### List of Sources

- Arkhip Gosudarstvennogo soveta [Archive of the State Council]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1881, vol. 4. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 noyabrya 1825 g.). Zhurnaly po delam Departamenta Gosudarstvennoi

- ekonomii [The Reign of Emperor Alexander I (from 1810 to November 19, 1825). Journals on the Affairs of the Department of State Economy], 950 p., 1872 col. (in Russ.)
- Kokorev V. A.** Ekonomicheskie provaly [Economic Failures]. Moscow, Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 2005, 336 p. (in Russ.)
- Materialy ob ustroistve denezhnoi sistemy (izvlechennyye iz dela Gosudarstvennogo Soveta 1837–1839 gg.) [Materials on the Structure of the Monetary System (Extracted from the Case of the State Council of 1837–1839)]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya kantselyariya, 1896, 275 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1<sup>st</sup> Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 31, 941 p.; vol. 32, 1135 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2<sup>nd</sup> Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1834, vol. 8, 833 p.; 1835, vol. 9, 888 p.; 1837, vol. 11, 896 p. (in Russ.)
- Speransky M. M.** Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina [A Note on the Coin Circulation of Count Speransky with Remarks by Count Kankrin]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1895, 57 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

**Павел Константинович Романов**, аспирант

### Information about the Author

**Pavel K. Romanov**, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 29.04.2024;  
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 30.07.2024  
The article was submitted on 29.04.2024;  
approved after reviewing on 10.07.2024; accepted for publication on 30.07.2024*